

Поэт, танцующий стихи

Кудьтура. - 1999 -
18-24 февр. - с. 10

Михаил Барышников совершил уникальный поступок: великий классический танцовщик, в 89-м году он навсегда оставил классический балет и обратился к современному. Стал артистом другой школы танца, выразителем других эстетических идеалов. И до него классические танцовщики выступали с труппами, танцующими модерн. Но именно Барышников стал постоянно работать в этом направлении и даже создал свою труппу "White Oak Dance Project".

Не только в России, но и на Западе многие отнеслись с недоумением к этому поступку. Однако, если вспомнить, как развивалась карьера артиста, окажется, что этот поступок — результат длительного и сознательного творческого процесса. Известность (и I премию на Международном конкурсе в Москве) молодому танцовщику принесло как выступление в вариации из "Корсара", так и в современном номере — якобсоновском "Вестрисе". В начале 70-х его талант заявил о себе в полную силу: в 72-м он станцевал Альберта в "Жизели", и это было потрясающе, но еще годом раньше феерически исполнил роль Адама в балете "Сотворение мира", поставленном для него Наталией Касаткиной и Владимиром Василевым. А в 74-м сделал в Ки-

ровском театре свой творческий вечер. Барышников был уже достаточно знаменит, и его положение в театре было достаточно прочным, чтобы он мог позволить себе выбирать репертуар этого вечера. И — хотя ему все-таки пришлось преодолеть множество препон — он составил программу из балетов современных хореографов — Май Мурдмаа и Георгия Алексидзе. Это не было простым стремлением к разнообразию. Александр Блок говорил, что каждая новая эпоха рождает новые рифмы. Великий танцовщик, тонко чувствующий время, Барышников искал новые "рифмы" в танце — ритмы, темпы, пластику своего времени. Он хотел свободы выбора, в которой его ограничивали консервативные руководители советского театра. Тот творческий вечер и решение не возвращаться в СССР были первыми сознательными поступками на пути к достижению этой свободы.

Оказавшись на Западе, Барышников освоил все стили хореографии XX века, но именно в танце модерн нашел близкий ему современный язык. Он оставил классический балет не только потому, что приближалось роковое для любого танцовщика время, когда мастерство — в самом расцвете,

но уже начинают теряться профессиональные качества. Возможно, наделенный колоссальной творческой интуицией, он ощутил в танце модерн новую энергию и открыл новые для себя возможности.

В том числе и актерские. Барышников перестал быть интерпретатором сюжетов. В "переходный" период он еще танцевал сюжетные балеты Марты Грэм. В ироничном балете Твайлы Тарп "Перголези", в котором много нарочитых ассоциаций с классическими балетами, Барышников с улыбкой попрощался со своим прошлым. Теперь он выходит на сцену как Поэт, читающий свои стихи. И, мне кажется, именно в этом качестве он окончательно обрел свободу самовыражения, к которой всю жизнь стремился. Последнее время в его "лирической исповеди" значительное место заняла тема смерти. Это "Неоговоренная территория" Даны Риц и "Биение сердца: мб" (Джанни — Руднер — Барышников). К смерти Барышников относится без романтического пафоса. Скорее, как относился его друг Иосиф Бродский: смерть — "это тьма, в которой не различьшь и стула".

"Неоговоренная территория"... Жизнь артиста — с момента появления из тьмы до короткого мига

славы и... ухода в тьмоту. Барышников практически балансирует на грани фарса и трагедии. (Эта же тема звучала и в "Трех Прелюдиях" Марка Морриса на музыку Гершвина). И каждую новую хореографическую фразу артист подает как новую поэтическую строку: Поэт и рассказывает нам о себе, и показывает процесс творчества. Балет идет без музыки — под "музыку души".

Под стук собственного сердца — к нему прикреплены датчики, усилитель передает звук в зал — танцует Барышников "Биение сердца". Здесь он говорит с нами уже только о хрупкости жизни и неизбежности смерти. Дважды я видела этот балет и оба раза следила за реакцией зала. Публика в буквальном смысле слова цепенела. Смотрите, как бы говорил нам Барышников, вот как работает артист (добавлю: великий артист): все время на грани жизни и смерти. В конце номера свет гаснет, Барышников уходит в тьмоту, занавес падает, а в зал продолжают передавать стук его сердца...

Печаль всегда была одной из природных черт его гения. К тому же гениальность и сама по себе не только великий дар, но и великое бремя, тяжесть которого известна только самому артисту.

Так что размышления 50-летнего Барышникова о жизни и смерти, восприятие смерти как неизбежной части земного существования, отождествление смерти творческой и физической кажутся мне закономерными (тем более у артиста русской культуры). У него было немало стрессовых ситуаций и потерь, а, как сказано в Экклезиасте, мудрость умножает печали. Работая с хореографами-модернистами, Барышников изменил не только свою творческую жизнь. Он оказал влияние на развитие искусства танца Америки и, возможно, на развитие этого искусства в XXI веке. Он пришел в театр танца модерн в расцвете творческих сил и принес туда достижения другой балетной культуры: высочайший профессионализм, идею красоты и гармонии танца и, главное — требование осмысленности исполнения самой абстрактной хореографии, то есть вернул идею, которая этим театром была потеряна.

Будучи артистическим директором АБТ, Барышников начал активно приглашать хореографов-модернистов — Твайлу Тарп, Марка Морриса, Кэрл Эрмитаж и других, дав им возможность работать с этой высокопрофессиональной труппой. Работа с классическими танцовщиками и с са-

мым Барышниковым, несомненно, подхлестывала их фантазию. Уверена, не встреть Тарп Барышникова на своем пути, ее карьера сложилась бы скромнее.

Взаимовлияние различных видов танца, в том числе классического и танца модерн, уже давно ощутимо во всем мире. Но в Америке, мне кажется, именно Барышников стимулировал этот процесс и обозначил его перспективы.

Как подлинный гений, Барышников не только выражает идеи времени, но и формирует новые. Словом, Барышников — это явление, которое сравнимо разве что с явлением "Нижинский". Оба великих танцовщика вышли далеко за рамки исполнительского искусства и явились "провидцами" новых форм в мире танца. Мы приходим смотреть Барышникова, легенду XX века, а присутствуем при рождении легенды XXI.

Нина АЛОВЕРТ

Нью-Йорк

P.S. 25 февраля Барышников — с труппой Марка Морриса — начинает выступления в Бостоне. Он будет танцевать специально поставленный для него Моррисом номер "Аргумент" на музыку Шумана.